

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-135-154
УДК 81.42

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

КОГЕЗИЯ И КОГЕРЕНТНОСТЬ В КОНТЕКСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.В. Глазков

Обоснование. Контекст является существенным инструментом связи предложений в тексте. Формализация контекстных отношений хорошо описана для когезии. Роль когерентности в контекстных отношениях описана менее подробно. Однако оба вида связности участвуют в формировании контекстных отношений, а поэтому требуется разработать систему анализа контекста, в котором были бы учтены обе категории текстуальности. Поскольку в прагматике существуют разные подходы к изучению контекста, в работе приведен краткий анализ минималистского и контекстуалистского подходов. Показано, что контекстуалистский подход в большей степени может быть применен в анализе текста.

Цель. Определить специфику когезивных и когерентных связей между предложениями, связанными контекстными отношениями.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили фрагменты художественных и нехудожественных текстов, в которых отчетливо проявляются контекстные отношения между предложениями. Использованы методы дискурс-анализа, классификации.

Результаты. Контекстные отношения определены как отношения между базой контекста и контекстом. Базой контекста являются контекстно чувствительные выражения и фрагменты предложения, получающие контекстную чувствительность в определенных условиях. Выбранные тексты иллюстрируют, что контекстные отношения проявляются с большей или меньшей силой в зависимости от большей или меньшей контекстной чувствительности базы контекста. Выявлена закономерность, что при боль-

шей контекстной чувствительности когезивные отношения требуют подтверждения связности когерентными отношениями. При меньшей контекстной чувствительности когерентные отношения формируют когезивные отношения.

Ключевые слова: контекст; когезия; когерентность; текст; дискурс; прагматика

Для цитирования. Глазков А.В. Когезия и когерентность в контекстных отношениях // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 135-154. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-135-154

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

COHESION AND COHERENCE IN THE CONTEXT RELATIONS

A.V. Glazkov

Background. Context is the essential tool to connect the sentences in the text. The formalization of the context relations has been well considered for cohesion. However, the role of coherence in the context relations requires its studying. Since both kinds of the linkage participate in the forming the context relations there is a need to develop a system of analysis of context which considers both categories of textuality. There is in pragmatics different approaches to examine contexts. In the article is given a short analysis of the minimalists and contextualists approaches. It is shown that contextualists approach fits more for the text analysis.

Materials and methods. The research material comprises fragments of fiction and non-fiction texts containing clearly manifested context relations. Methods used – discourse analysis, classification.

Purpose. To establish specificity of the cohesive and coherence connections between the sentences linked by means of the context relations.

Results. Contextual relations are defined as relations between base of the context and the context. Base of context are context sensitive ex-

pressions and parts of sentence obtained context sensitivity in some conditions. The selected texts illustrate that context relations are manifested to a greater or lesser extent depending on context sensitivity of the base of context. A pattern has been revealed that the importance of coherence increases as the level of the context sensitivity while reducing the level of the context sensitivity or vice versa.

Keywords: *context; cohesion; coherence; discourse; text; pragmatics*

For citation. *Glazkov A. V. Cohesion and Coherence in the Context Relations. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 135-154. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-135-154*

Введение

Актуальность. Категория контекста, являясь одной из ключевых в семантике, прагматике, теории дискурса, анализе текста, позволяет анализировать языковой материал с разных сторон, так как сам контекст понимается по-разному. К тексту приложимо понимание контекста, с одной стороны, как внешних обстоятельств, необходимых для понимания текста [9, с. 117], а с другой – как системы внутри-текстовых отношений, необходимых для обеспечения однозначности входящих в текст предложений. Оба аспекта изучения контекста принадлежат к числу активно изучаемых в лингвистике. Второй требует выделения контекстно чувствительных языковых выражений (слов, сочетаний слов), вступающих в особые контекстные отношения. С этой стороны контекст изучается в современной прагматике [2]. Анализ внутренних контекстов укладывается в описание текста в терминах базовых категорий текстуальности – когезии и когерентности, что и представлено в настоящем исследовании.

Цель. Определить значимость категорий когезии и когерентности в формировании контекстных отношений внутри текста.

Материал и методы исследования. В качестве материала исследования выбраны фрагменты текстов, в которых контрастно представлены контекстно чувствительные элементы. Выбор обу-

словлен тем, что контекстные отношения (в отличие от когезивных и когерентных) не являются глобальными, то есть свойственными любому компоненту текста. Для исследования выбраны методы дискурсивного анализа, позволяющего установить семантические и прагматические отношения между предложениями, а также метод классификации, позволяющий установить таксономию контекстно чувствительных выражений.

Результаты и обсуждение

Понятие контекста в прагматике является одним из ключевых. С самого своего зарождения, с теории импликатур П. Грайса, значение рассматривалось в зависимости от контекстных условий, от внешнего окружения высказывания. Утверждая подавляемость (*cancelable*) разговорной импликатуры, Грайс писал, что она может быть подавлена, если найдется такой контекст (или внешние обстоятельства), а которых не будет основания для имплицирования некоторого значения [13, р. 44]. Большое внимание контексту было уделено и в теории релевантности, создатели которой Д. Спербер и Д. Уилсон характеризовали контекст как психологическую категорию, представляющую собой множество всех предпосылок слушающего, использующихся им для понимания высказывания [19, р. 15]. Д. Спербер и Д. Уилсон вообще позиционируют свою теорию в разрезе психологии, хотя ее нельзя рассматривать вне лингвистики, теории коммуникации, то есть тех дисциплин, без которых прагматика просто немыслима. В частности, контекст они рассматривают как общую очевидность (*mutual manifestness*) и как когнитивное окружение, состоящее из множества очевидных фактов – таких, которые могут быть ментально представлены слушающим и которые он рассматривает как истинные или могущие быть истинными [18, р. 699]. Из этого следует, что речь идет не только и не столько о психологической, сколько о когнитивной категории. Психологическая она лишь в том, что множество фактов, о которых идет речь, находится в сознании человека.

Важным моментом, который сформировал прагматическое представление о контексте, стало выделение так называемых контекст-

но зависимых выражений. Д. Каплан был одним из первых, кто поставил проблему контекста во главу угла прагматических исследований. Он противопоставил категории демонстративов (в большинстве своем указательных местоимений), которые требуют непосредственного указания на референта, и индексикалов, которые требуют контекста для референции. Функцию из контекста в контент он определил понятием «характер», где контекст – это множество из возможного мира, говорящего, времени и места [10, p. 114]. Из этого следует, что индексикалы обладают контекстно чувствительным (context-sensitive) характером в отличие от неиндексикалов (например, имен), которые имеют фиксированный характер [14, p. 506].

Категория контекста оказалась настолько существенной в прагматике, что разделила исследователей на минималистов и контекстуалистов.

Сторонники минималистского подхода утверждают, что у каждого предложения существует общее, глубинное, минимальное значение, которое и составляет суть его семантики (см.: [12, p. 122]). Это значение в большинстве случаев не зависит от контекста. Например, возьмем два предложения.

(1) Игорь готов.

(2) Игорь готов.

Пусть для (1) существует контекст «сдавать экзамен», а для (2) контекст «идти на вечеринку». Согласно минималистской точке зрения, в обоих случаях выражена одна и та же пропозиция. Доказательством этому является тест Inter-Contextual Disquotational Indirect Report test (ICD), состоящий в том, чтобы включить тестируемое предложение в предложение с прямой речью [11, p. 105]. Если пропозиция сохранит свое значение, это значит, что контекст на значение предложения не влияет.

(3) Джейн говорит, что Игорь готов.

Для обоих предложений значение предложения не меняется, поэтому в обоих предложениях выражена одна и та же пропозиция, а контекст на их значение никак не повлияет.

Совсем иначе дело обстоит для предложения, например, с личным местоимением.

(4) Я готова (слова Джейн).

Проверка этого предложения приведет к иному результату.

(5) Джейн говорит, что я готова.

Значение предложения (4) отличается от значения придаточной части предложения (5), а поэтому оно содержит контекстно чувствительный компонент, его значение определяется контекстом. Тогда контекстная чувствительность характеризует лишь небольшое количество высказываний и обязательно обусловлена грамматическими отношениями между высказываниями (см. [11: с. 144]).

Контекстуалистский подход, который резко противопоставлен минималистскому, более широко рассматривает семантическую неполноту высказывания и поэтому требует большего участия контекста в формировании значения высказывания. Ф. Реканати, самый яркий представитель контекстуализма в прагматике (которому принадлежит и введение в обиход термина «минимализм»), рассматривает процесс семантического наполнения (*saturation*) местоимений как восходящий (*bottom-up*), поскольку он инспирирован самой природой местоимения, и противопоставляет ему «свободные прагматические процессы», являющиеся нисходящими (*top-down*) [17]. Речь идет о таких высказываниях (предложениях), которые не имеют в своем составе контекстно зависимых выражений (типа анафорических или катафорических местоимений), однозначно требующих контекста для наполнения, но либо содержат компоненты, изменяющие свое значение в условиях данного предложения (метафоры, метонимии – этот процесс Реканати называет модуляцией), либо обнаруживают компоненты значения, не имеющие под собой определенных языковых выражений (например, при незаполненных актантных или, чаще, сирконстантных валентностях) – их Дж. Перри назвал «нев्यраженными составляющими» (точнее, это «неартикулированные составляющие» (*unarticulated constituents*) [16], однако буквальным перевод термина ассоциировался бы в русском языке с фонетическим аспектом изучения языка, поэтому мы пред-

почитаем использовать слово «невывраженные»). Так, в примерах (1) и (2) автором уже должно быть заложено то значение, которое он намерен передать (готов к экзамену или готов к вечеринке), а контекст в данном случае выполняет роль индикатора, вскрывающего, но не формирующего данное значение. Точно так же будет обстоять дело со следующими примерами.

- (6) Кьяра высокая.
- (7) Ты не умрешь.
- (8) Боб не позавтракал.

Минималистский подход в каждом из этих случаев увидит одно-единственное минимальное буквальное значение. Например, чтобы построить предложение типа «*X* высокий», по мнению минималиста, должна быть выполнена одна из опций: либо предмет должен входить в некоторый сравнительный класс, которому свойственна «высокость»; либо это должен быть по умолчанию высокий предмет (например, его высота закреплена в культуре); либо в некоторой ситуации во время *t* этот объект выше других; либо этот объект выше некоей средней отметки, за которой он является высоким [11, р. 171]. При этом каждый из этих вариантов выражает идею «высокости», которая и позволит в любом предложении типа «*X* высокий» увидеть одно глубинное значение. Дж. МакФарлейн, критикующий минимализм, упрекает минималистов в увлечении метафизикой (о чем пишут и сами Г. Каппелен и Э. Лепор), и говорит, что решение вопроса о значении высказывания должно иметь не философский, а лингвистический, семантический характер [15, р. 245].

С точки зрения контекстуалиста каждое из предложений (6–8) содержит контекстно чувствительные компоненты и истинно лишь в тех случаях, когда контекст соответствует заложенному в предложение значению, что показано в следующих примерах – в скобках эксплицированы невыраженные составляющие.

- (9) Кьяра высокая (для своих лет).
- (10) Ты не умрешь (от этой ранки).
- (11) Боб не позавтракал (сегодня).

Изменение контекстов показало бы, что предложения имеют другие значения. Выраженная в предложении (9) пропозиция истинна только в случае, если речь идет о маленькой растущей девочке, и ложна, если речь идет о баскетболистке. Контекст, таким образом, нужен не для того, чтобы создать значение, а чтобы маркировать выбор.

Это видно на примере предложения *Кьяра высокая*, в котором содержится оценочное слово. Что же будет, если мы возьмем предложение (12)?

(12) Кьяра была в красном платье.

Цветовое прилагательное *красный* ведет себя совершенно иначе, чем прилагательное *высокий*. Если можно поставить вопрос, почему некто считает Кьяру высокой, то вопрос, почему некто считает платье Кьяры красным, оказывается довольно сомнительным и будет более или менее оправданным, если цвет платья имеет некоторый оттенок, за счет чего его можно было бы назвать бордовым или алым. Но это совершенно другая, ономастическая проблема. В конце концов, Кьяра могла быть не в платье, а в сарафане. Тем самым, мы утверждаем, что контекстная чувствительность у языковых выражений может быть различной и представляет собой шкалу. С.М. Колесникова определила градуирование как «выражение мерительного отношения говорящего к предмету речи лексико-фразеологическими, словообразовательными, морфологическими и синтаксическими средствами» [7, с. 25]. В данном случае градуированы способы выражения контекстно зависимого компонента.

В качестве подтверждения можно взять еще один пример.

(13) Кьяра была в платье странного цвета.

Информативность этого предложения гораздо ниже за счет оценочности прилагательного, причем оценка носит субъективный характер, а экстенционал прилагательного очень размыт. Решением вопроса о том, какого же цвета было платье Кьяры, может быть исключительно контекст, причем цвет не должен быть обычным, тривиальным, то есть было бы неверным употребить прилагательное «странный», если платье красное.

Таким образом, можно сказать, что контекстная чувствительность – это градуированная категория, которая свойственна любому высказыванию, но ее степень колеблется от четко выраженной при наличии контекстно зависимых выражений (например, индексикалов) до невыраженной, если значение предложения определяется единственным образом. Как пишет В.И. Заботкина, «контекст рассматривается прежде всего как фрейм, который накладывает ограничения на содержание языковых единиц» [5, с. 72]. Очевидно, что наложить ограничения можно только на такую единицу, у которой есть на что накладывать ограничения. Иными словами, такая единица должна иметь больше одного значения, а это возможно лишь при контекстуалистском подходе. На наш взгляд, позиция контекстуализма для решения практических вопросов оказывается куда как более приемлема, чем позиция минимализма. А если мы учтем, что в настоящей работе контекст мы рассматриваем как один из инструментов текстуальности, эта позиция окажется оптимальной.

Переводя фокус исследования в область текста, заметим, что между прагматикой высказывания и анализом текста есть одно существенное отличие: классическая прагматика была полностью построена на искусственно созданных высказываниях и на придуманных контекстах, в то время как предложение в тексте существует в заданном окружении, а поэтому исследователь текста должен учитывать лишь тот контекст, который задан. Это ни в коей мере не обвинение классической прагматике, это констатация специфики прагматического анализа. Кроме этого, изолированное высказывание или короткий диалог в качестве контекста подразумевают наличие внешнего окружения или обстоятельств, а не других языковых выражений, как это есть в тексте.

Анализ контекста внутри текста подразумевает учет категорий текстуальности, из которых базовыми следует признать категории когезии и когерентности. Под когезией традиционно понимается связность предложений текста с помощью неспецифических лексических и грамматических средств (обзор подходов к изучению когезии (см. [1]). Мы говорим об их неспецифичности, так как не

существует специальных средств, которые бы обслуживали исключительно связность текста. Под когерентностью обычно понимают категорию, характеризующую текст как цельное высказывание, при этом исследователи либо приписывают когерентность всему тексту или дискурсу [6; 8], либо обнаруживают когерентные связи и между отдельными предложениями [4]. Подробнее о проблеме когерентности см. нашу статью [3, с. 185-187]. Мы рассматриваем когерентность как категорию, отражающую непротиворечивость (консистентность) дискурса, а поэтому приложимую как к цепочке предложений текста, так и целому тексту. Таким образом, когезия и когерентность трактуются нами как две разные категории текстуальности, одна из которых опирается на выраженные компоненты предложения, а поэтому является семантической (точнее, лексико-семантической и грамматико-семантической), а вторая на значения, в том числе не выраженные компоненты значения, а поэтому является прагматической.

Из сказанного следует, что когезивные и когерентные отношения в тексте вполне могут быть рассмотрены в рамках контекстных отношений, хотя, как мы покажем ниже, не покрывают их, а поэтому противопоставление контекстуализма и минимализма имеет не столько теоретическое, сколько методологическое значение. Минималистская позиция при изучении связей между предложениями приведет к тому, что контекстная связность коснется только тех случаев, когда одно из предложений содержит контекстно чувствительные элементы (прежде всего, местоимения – если говорить о тексте, то в подавляющем большинстве эндофорические), а следовательно, ограничит исследователя рассмотрением когезии. Напротив, контекстуалистский подход позволит выделить большее количество контекстно чувствительных элементов, а поэтому выделение контекстных отношений окажется значительно большим, чем при применении минималистского подхода, и будет включать в себя случаи связи предложений, не имеющих в строгом смысле когезивной связи. Если мы стоим на позиции минимализма, то должны сказать, что любое предложение в тексте семантически достаточно, выражает некий обобщенный смысл, а в контексте с другими пред-

ложениями приобретает некие новые компоненты смысла. Если мы стоим на позиции контекстуализма, мы должны сказать, что любое предложение в тексте само по себе семантически избыточно, а контекст необходим для выбора того значения, которое когерентно возникающим прагматическим дополнениям.

Контекст подразумевает наличие отношений, то есть необходима система хотя бы из двух элементов. Один из этих элементов должен обладать семантической неоднозначностью. Степень потребности в контексте у разных предложений будет разной. Покажем это на примере, интуитивно определив степень семантической неоднозначности.

(14) /1/ *Экстренное предупреждение о возможных неблагоприятных погодных явлениях в Тамбовской области.* /2/ *По данным Тамбовского ЦГМС сегодня, 12 августа, в ближайшие часы, с сохранением в ночь на 13 августа, на территории региона ожидается гроза.* /3/ *Также по прогнозам синоптиков, в ночь на воскресенье в Тамбове будет плюс 20–22 градуса тепла, завтра днем - 23–27 градусов.* /4/ *Спасатели регионального ГУ МЧС обращаются ко всем жителям и гостям Тамбовской области с просьбой о необходимости соблюдения правил безопасности при грозе.*

Предложение /1/ содержит именную группу (ИГ) *неблагоприятные погодные явления*, которая допускает конкретизацию: ливень, гроза, снежный ливень, туман и под. Если учесть, что в предложении говорится об экстренном предупреждении, то эта конкретизация необходима, поэтому предложение получает семантическую неоднозначность. Прилагательное *возможные*, входящее в эту именную группу, вносит значение времени – возможные в какое-то время (место этих явления в предложении координатно определено). Это еще увеличивает степень контекстной чувствительности предложения.

Предложение /2/, безусловно, является центральным и наименее чувствительным к контексту, если не брать во внимание то, что в координатном определении времени отсутствует год. Учитывая, что материалы на новостных сайтах хранятся долго (даже прогнозы погоды), эта информация оказывается необходимой для понимания текста читателем.

Предложение /3/ тематически выбивается из содержания заметки, так как в нем отсутствует информация о грозе, но оно содержит союз *также*, не только соединяющий два предложения, но и сообщающий, что в предложении /3/ дается дополнительная информация к сказанному в предтексте.

Предложение /4/ тоже обладает слабой контекстной чувствительностью, но предложная группа (ПГ) *при грозе* может быть как нереферентной (надо в принципе выполнять правила безопасности при грозе), так и референтной (при той грозе, которая будет в ближайшее время, надо быть осторожным и внимательным).

Таким образом, мы обнаружили, что каждое из предложений, хотя и в разной мере, требует контекстов для того, чтобы конкретизировать свои значения. Выделенные языковые выражения в предложениях создают условия для возникновения контекстных отношений. Мы предлагаем называть базой контекста языковые выражения, приводящие предложения к контекстной чувствительности и требующие конкретизации своих значений.

К базе контекста по умолчанию относятся:

- анафорические и катафорические местоимения;
- контекстно чувствительные слова с дейктическим компонентом (*сейчас, вчера, рядом*);
- вопросительные местоимения;
- союзы, не соединяющие части сложного предложения и компоненты однородных сочиненных рядов;
- нулевые местоимения при глаголах (PRO) или отглагольных существительных с незакрытой актантной валентностью.

К базе контекста могут относиться:

- слова с широким экстенсионалом, допускающим его сужение (имеющие гипонимы или группы со значением гипонима);
- слова с нечетким интенсионалом (*другой, вещь, делать*);
- имена собственные, не имеющие в рамках предложения характеризующих их именных групп с вершинным нарицательным существительным;
- референтные именные группы, имеющие референцию к именным группам за пределами данного предложения.

Дадим определение контекста, удобное для настоящего исследования. Будем считать контекстом языковое выражение, имеющее семантическую связь с базой контекста и дополняющее ее значение так, чтобы предложение, содержащее базу контекста, получало семантическую однозначность. Очевидно, что предложение с контекстом должно быть когерентно предложению с базой контекста.

Обратимся к тексту (14) и найдем в нем контексты.

Для ИГ: *возможные неблагоприятные погодные явление* это существительное *гроза* из предложения /2/.

Для ИГ: *12 августа* и *13 августа*, как мы сказали, контекстов внутри текста не нашлось, поэтому семантическая полнота предложения допустима при привлечении внешнего источника.

Для ИГ: *воскресенье* и ИГ: *завтра* контексты нельзя найти непосредственно, поэтому уделим их контекстам особое внимание. В предложении /2/ есть информация о погоде «в ночь на 13 августа», а в предложении /3/ говорится о температуре «в ночь на воскресенье», из чего можно сделать предположение, что «воскресенье» и «13 августа» кореферентны. Наречие *завтра* имеет координату 13 августа того же года, что и 12 августа (сегодня). Значит, 12 августа – его контекст.

Предложение /3/ содержит союз *также*, который сам, естественно, не может иметь контекст, но показывает, что базой становится целое предложение /2/: информация о температуре менее значима в тексте, посвященном прежде всего предупреждению о грозе. В известном смысле употребление союза *также* оправдывает включение предложения /3/ в текст.

Для ИГ: *гроза*, как мы уже сказали, контекстом будет ИГ: *гроза* из предложения /2/, так как это гроза, которая случится 12 или в ночь на 13 августа. Если изолировать предложение /4/, то возникнет вопрос, о какой именно грозе предупреждает МЧС.

Итак, база контекста вступает в семантические отношения с контекстом. Дадим определение. Контекстность – это система отношений между единицами текста, при которых одна, обладая семанти-

ческой неоднозначностью или недостаточностью, требует другой для достижения семантической однозначности или достаточности.

Контекстно чувствительные выражения (названные нами контекстно чувствительными по умолчанию), которые не имеют четкого экстенционала и требуют прагматического наполнения, формируют когезивные отношения между предложениями. Наиболее ярко это видно на словах, релевантных для создания дейктической картины, что будет показано в анализе следующего примера.

(15) /1/ *Девочка щебетала с братишкой, как птица.* /2/ *Она рассказывала ему сказки, три раза спела тоненьким голоском песенку про козлика, который жил у бабушки «вот как», показывала зайчика из пальцев и т.д.* (Д. Мамин-Сибиряк)

Местоимение *она* кореферентно существительному *девочка*, так как это единственно возможный антецедент. Существительно *птица* не может быть антецедентом по двум причинам: во-первых, актантом при глаголе *рассказывать* должен быть человек, а не животное (по крайней мере, у первого есть преимущество перед вторым); во-вторых, существительное *птица* находится в сравнительном обороте, а поэтому опять же оно «проигрывает» существительному, стоящему в позиции подлежащего. Антецедентом местоимения *ему* может быть только существительное *братишка*. Названные контекстные связи формируют когезивные отношения между предложениями. При этом выраженное в предложении /1/ представляет ту же ситуацию, что и выраженное в предложении /2/. Когерентные отношения, таким образом, не противоречат когезивным и поддерживают их.

Слова и выражения, не являющиеся контекстно чувствительными по умолчанию, ведут себя совершенно иначе. Покажем это на примере глагола *щебетать*. Он употреблен в предложении /1/ метафорически (*щебетать* своим актантом должен иметь птицу, а не человека), где действия девочки описаны в целом, но не конкретизированы. Когерентные отношения между предложениями /1/ и /2/ возникают благодаря тому, что в предложении /2/ сообщается, что именно делала девочка. В паре /1/ – /2/ нельзя увидеть выра-

женную последовательность ситуаций – последовательность мы видим в предложении /2/, так как рассказывать и петь нельзя одновременно. Тогда ясно, что глаголом *щебетать* обозначены эти действия в общем, причем значение его несколько деформировано, оно обозначает всю суету, похожую на птичью, иначе из ситуации выпадет действие «показывать зайчика из пальцев», что странно. Таким образом, получается, что в предложении вначале возникают когерентные отношения, на основании которых возникает контекстность между глаголами обоих предложений, а когезия оказывается вторичной по отношению к когерентности.

На основании анализа можем утверждать следующее: если контекстная чувствительность выражения высока, то подобные выражения требуют наличия контекста, между базой и контекстом выстраиваются когезивные отношения, которые приводят к связности предложений при условии соблюдения когерентности. Если контекстная чувствительность выражения низкая, то когерентные отношения между предложениями могут сформировать контекстность между таким выражением (базой) и контекстом, за счет чего между предложениями возникнут когезивные отношения.

Данное утверждение касается крайних точек, между которыми могут находиться зоны, где указанные условия выполняются не так четко. Покажем это на примере предложений с выраженной оценкой.

(16) /1/ *Во всем городе была единственная порядочная улица Губернаторская.* /2/ *Она перерезывала город на две неравных половины и шла от Московской заставы к реке, упираясь в городской сад.* /3/ *На Губернаторской сгруппировалось всё, что было лучшего в городе: губернаторский дом, гостиный двор, духовная консистория, две гимназии, театр и целый ряд магазинов.* (Д. Мамин-Сибиряк)

В предложении /1/ выделим оценочное прилагательное *порядочная*. Составим пару /1/ – /2/. Оценка может иметь свою мотивировку. Но в художественном тексте автор вправе дать некоторую оценку, не мотивируя ее. Улица названа приличной, а далее автор продолжает ее характеризовать с других сторон. Прилагательное не

вступает ни в какие контекстные отношения. Создадим ТГ /1 – 3/. Предложение /3/ показывает, почему Губернаторскую улицу можно считать приличной. Поскольку это предложение оказывается в тексте, оно становится контекстом для прилагательного. Другими словами, когерентные отношения оказались первичными для когезивных и, соответственно, контекстных.

На данном примере заметим одно важное свойство контекста. Поскольку контекстные отношения необходимо связаны с когерентностью, неконтактные предложения способны образовать когерентные пары. Так, в рассматриваемом примере вполне создается пара /1/ – /3/, то есть предложение /2/ вполне может быть исключено из ТГ, так как ни в предложении /1/, ни в предложении /3/ не находится баз контекстов входящих в него выражений.

Выводы

1. Контекстность в тексте представляет собой систему градуальных отношений, находящуюся в зависимости от степени контекстной чувствительности входящих в предложение выражений.

2. Оптимальным для анализа контекстных отношений в тексте оказывается контекстуалистский подход в прагматике, позволяющий обнаружить в предложении большое количество контекстно чувствительных выражений.

3. Функции когезии и когерентности в контекстных отношениях стоят в зависимости от степени контекстной чувствительности входящих в предложение выражений: высокая контекстная чувствительность обуславливает первичность когезивных отношений; низкая контекстная чувствительность обуславливает первичность когерентных отношений.

Список литературы

1. Величко М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 2(177). С. 39-43.

2. Вострикова Е.В., Куслий П.С. Логико-философский анализ языка: современный взгляд. М.: ИФ РАН, 2017. 211 с.
3. Глазков А.В. К вопросу о когерентности пары предложений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 185-194.
4. Жаббарова Ф.У. Роль терминов в создании связности научно-популярного текста // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2. № 2. С. 195-201.
5. Заботкина В.И. Влияние когнитивно-дискурсивной парадигмы на развитие прагмалингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. 17. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. Сборник научных трудов. Москва – Тамбов, 2014. Институт языкознания РАН; Тамбов; Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 69-75.
6. Казаченко О.В. Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8(27). Ч. 2. С.88-90.
7. Колесникова С.М. Градуальность: связи и отношения в системе русского языка. М.: ФЛИНТА, 2016. 231 с.
8. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста: Когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты: Дисс. ... ст. д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 390 с.
9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ФЛИНТА, 2013. 208 с.
10. Brogaard B. Context and content. Pragmatics in two-dimensional semantics // The Cambridge Handbook of Pragmatics. N.Y.: Cambridge University Press, 2012, pp. 113-133.
11. Cappelen H., Lepore E. Insensitive Semantics: A Defense of Semantic Minimalism and Speech Act Pluralism. Oxford: Blackwell, 2005, 219 p.
12. Corraza E. Contextualism, minimalism, and situationalism // Pragmatics & Cognition, 2007, vol. 15(1), pp. 115-137.
13. Grice P. Studies in the Way of Words. Cambridge: Harvard University Press, 1991, 394 p.
14. Kaplan D. Demonstratives // Themes from Kaplan. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1989, pp. 481-564.

15. MacFarlane J. *Semantic Minimalism and Nonindexical Contextualism // Context-Sensitivity and Semantic Minimalism: New Essays on Semantics and Pragmatics*. Oxford University Press, 2007, pp. 240-250.
16. Perry J. *Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents*. URL: <http://john.jperry.net/cv/1998b.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).
17. Recanati F. *Truth-conditional pragmatics*. Oxford: OUP, 2010, 324 p.
18. Sperber D., Wilson D. *Précis of Relevance: Communication and Cognition // Behavioral and Brain Sciences*, 1987, no. 10, pp. 697-754.
19. Sperber D., Wilson D. *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell Publisher Ltd., 1995, 326 p.

References

1. Velichko M.A. Kogezija i kogerentnost': osobennosti razgranichenija i opredelenija ponjatij [Cohesion and coherence: peculiarities of differentiation and definition of concepts]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism], 2016, no. 2(177), pp. 39-43.
2. Vostrikova, E.V., Kuslij P.S. *Logiko-filosofskij analiz jazyka: sovremennyj vzgljad* [Logic and philosophical analysis of language: modern view]. Moscow: IF RAN Publ., 2017, 211 p.
3. Glazkov A.V. K voprosu o kogerentnosti pary predlozhenij [On the coherence between a pair of sentences]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobacheskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2022, no. 6. pp. 185-194.
4. Zhabbarova F.U. Rol' terminov v sozdanii svjaznosti nauchno-populjarnogo teksta [Role of terms in popular science text]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Journal of Humanities], 2013, no. 2(2), pp. 195-201.
5. Zabotkina V.I. Vlijanie kognitivno-diskursivnoj paradigmy na razvitiie pragmalingvistiki [The impact of cognitive-discourse paradigm on the theory of pragmatics]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive Studies of Language], 2014, vol. 17. Moscow: Institut jazykoznanija RAN Publ.; Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina Publ., pp. 69-75.

6. Kazachenko O.V. Kogerentnost' i kogeziya teksta [Text coherence and cohesion]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija* [Almanac of Modern Science and Education], 2009, no. 8(27), part. 2, pp.88-90.
7. Kolesnikova S.M. *Gradual'nost': svjazi i otnoshenija v sisteme russkogo jazyka* [Graduality: Connections and Relationships in the System of Russian] Moscow: FLINTA Publ., 2016, 231 p.
8. Milevskaja T.V. *Svjaznost' kak kategorija diskursa i teksta: Kognitiv-no-funkcional'nyj i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty* [Connectivity as a category of discourse and text (cognitive-functional and communicative-pragmatic aspects)]. PhD dissertation. Rostov-na-Donu, 2003, 390 p.
9. Chernjavskaja V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text linguistics. Discourse linguistics] Moscow: FLINTA publ., 2013, 208 p.
10. Brogaard B. Context and content. Pragmatics in two-dimensional semantics. *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. N.Y.: Cambridge University Press, 2012, pp. 113-133.
11. Cappelen H., Lepore E. *Insensitive Semantics: A Defense of Semantic Minimalism and Speech Act Pluralism*. Oxford: Blackwell, 2005, 219 p.
12. Corraza E. Contextualism, minimalism, and situationalism. *Pragmatics & Cognition*, 2007, vol. 15(1), pp. 115-137.
13. Grice P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1991, 394 p.
14. Kaplan D. Demonstratives. *Themes from Kaplan*. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1989, pp. 481-564.
15. MacFarlane J. Semantic Minimalism and Nonindexical Contextualism. *Context-Sensitivity and Semantic Minimalism: New Essays on Semantics and Pragmatics*. Oxford University Press, 2007, pp. 240-250.
16. Perry J. *Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents*. URL: <http://john.jperry.net/cv/1998b.pdf> (accessed September 10, 2023).
17. Recanati F. *Truth-conditional pragmatics*. Oxford: OUP, 2010, 324 p.
18. Sperber D., Wilson D. Précis of Relevance: Communication and Cognition. *Behavioral and Brain Sciences*, 1987, no. 10, pp. 697-754.

19. Sperber D., Wilson D. *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell Publisher Ltd., 1995, 326 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Глазков Алексей Владимирович, заведующий кафедрой дискурсивных практик, кандидат филологических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Проспект Вернадского, 82, г. Москва, 119571, Российская Федерация
alexey.glazkow@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Glazkov, Head of the Department of Discursive Practices, Candidate of Philology, Associate Professor
Russian Academy of National Economics and Public Administration
82, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation
alexey.glazkow@gmail.com
SPIN-code: 3699-9560
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>
ResearcherID: E-7646-2014

Поступила 10.10.2023

После рецензирования 03.11.2023

Принята 10.11.2023

Received 10.10.2023

Revised 03.11.2023

Accepted 10.11.2023